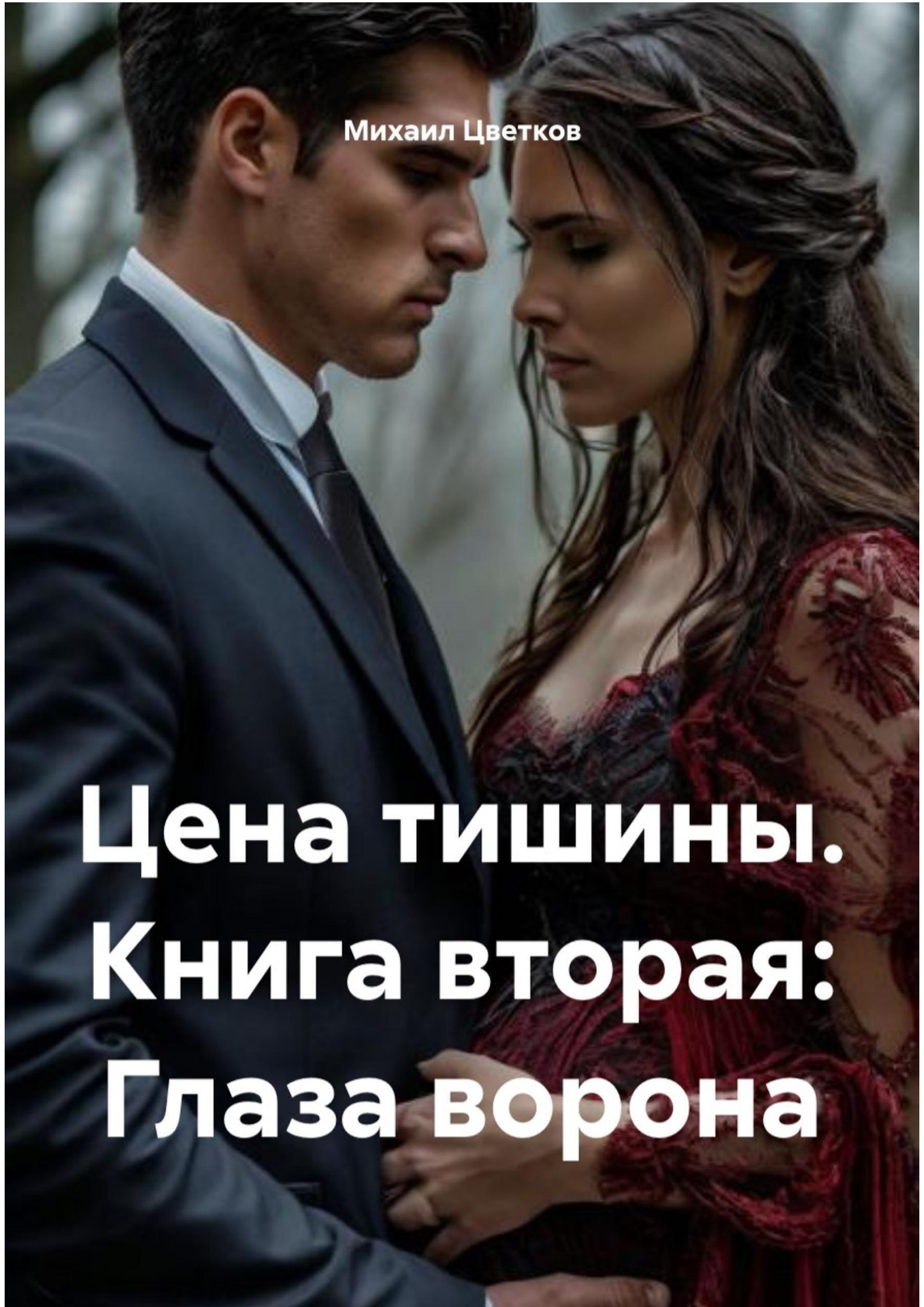

A man and a woman are shown in a close, intimate pose, looking down. The man, on the left, is wearing a dark suit and tie. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and is wearing a red, patterned dress. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Михаил Цветков

Цена тишины. Книга вторая: Глаза ворона

Михаил Цветков

**Цена тишины. Книга
вторая: Глаза ворона**

«Автор»

2026

Цветков М.

Цена тишины. Книга вторая: Глаза ворона / М. Цветков —
«Автор», 2026

Они выжили. Адвокат дьявола Марк и художница Лика, связанные кровью, ложью и общей могилой, получили второй шанс. Когда Лика узнаёт, что беременна, из темноты возвращается то, что они похоронили пять лет назад. Девочка без лица, призрак их первого ребёнка, требует любви, правды и места в этом мире. Её имя — Вера. Она питается страхами, читает мысли и говорит голосами мёртвых. А в животе Лики растёт Надя — девочка с чёрными глазами, которая может стать либо спасением, либо вместилищем для древнего вируса. Слепой Лев, переживший эксперименты Старого Дока, предлагает выбор: убить Веру до рождения Нади или обречь дочь на одержимость. Ворон с перепончатыми крыльями следит за каждым шагом и считает дни. А в стенах их квартиры проступают лица всех, кого Марк когда-то убил взглядом. Вторая книга — о том, можно ли полюбить чудовище, которое ты создал. О том, как ненависть становится пуповиной, связывающей живых с мёртвыми. И о том, что даже самая страшная правда не так опасна, как молчание.

© Цветков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом, где спят лица	5
Книга вторая. Глава 2. Вера против надежды	7
Книга вторая. Глава 3. Колыбельная для монстра	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Цена тишины. Книга вторая: Глаза ворона

Глава 1. Дом, где спят лица

Дорога до детского дома заняла сорок минут. Марк не гнал — вел старый «Фольксваген» так, будто вёз хрупкую бомбу. Лика сидела рядом, положив руки на живот, где шевелилась Надя — или не Надя. Или та, другая, что родилась пять лет назад с пустым лицом.

Здание появилось из темноты внезапно: три этажа серого кирпича, окна заколочены крест-накрест, на воротах — табличка «ГУ «Солнечный дом». Калитка скрипнула, как старая челюсть.

— Здесь пахнет смертью, — сказала Лика, не открывая дверь.

— Здесь пахнет детством, — поправил Марк. — Это одно и то же.

Они вышли. Ни души вокруг. Фонарь над крыльцом моргал, выхватывая из тьмы качели без цепи и песочницу, полную битого стекла.

Дверь открылась сама.

Внутри было тепло — слишком тепло. Пахло кипячёным молоком, хлоркой и ещё чем-то сладким, приторным, как эклерный крем из первой главы первой книги.

Директор встретил их в холле. Женщина лет шестидесяти, с лицом, которое помнило войну, но не ту, что в учебниках. На ней был белый халат, на груди — бейдж «Софья Львовна. Главная по страху». Так и написано.

— Вы по душе, — сказала она, не здороваясь. — По ту, которую уже закопали.

— Мы по ребёнку, — Марк показал телефон с сообщением. — Девочка пять лет, без лица. Где она?

Софья Львовна усмехнулась. В её улыбке не было зубов — только дёсны, синие, как кровоподтёк.

— У нас нет девочки без лица, — сказала она. — У нас есть девочка, у которой лица слишком много. И она ждёт вас не здесь, а в подвале. Потому что наверху дети играют. А она не умеет играть. Она умеет только лечить.

— Лечить? — переспросила Лика.

— Да, — директор развернулась и пошла по коридору, жестом приглашая следовать. — Она ставит диагнозы. Одного взгляда достаточно. Посмотрит — и скажет, от чего ты умрёшь, когда и в какой позе. Ни разу не ошиблась.

Подвал встретил их сыростью и синим светом кварцевой лампы. В углу на раскладушке сидела девочка. На вид — действительно пять лет. Худенькая, в полосатой пижаме, с косичками, перевязанными красными ленточками. И лицо у неё было. Абсолютно нормальное лицо. Даже красивое — большие серые глаза, веснушки на переносице, пухлые губы.

— Здравствуйте, мама и папа, — сказала девочка. Голос был не вороний, а детский — звонкий, чистый. — Я ждала вас пять лет. Вы больше не опоздаете?

Лика замерла. В животе шевельнулась Надя — сильно, почти больно.

— Кто ты? — спросил Марк.

— Я та, кого вы закопали, — девочка улыбнулась. Но улыбка не тронула глаз. Глаза остались пустыми, как тарелки. — Только вы закопали меня мёртвой. А я не умерла. Я переродилась. Спасибо вашему вирусу.

Она встала, подошла к Лике, прижалась щекой к её животу.

— Привет, сестрёнка, — прошептала девочка в пупок Лики. — Ты тоже думаешь, что родишься живой? Напрасно. Мама убивает всех, кто от неё рождается.

Лика отшатнулась, но девочка держала её за подол.

— Не бойся, — сказала дитя. — Я здесь не чтобы мстить. Я здесь, чтобы заключить сделку. Я научу вас жить без прошлого. А вы возьмёте меня домой и будете любить. Не фальшиво. По-настоящему. Иначе Надя родится с моим лицом. А моё лицо, мама, ты помнишь — у него нет глаз.

Она медленно подняла голову. И на глазах у Марка и Лики её красивое лицо начало таять — как воск, как тот эклерный крем. Веснушки сползли на подбородок, губы втянулись, глаза затянулись гладкой кожей. Через минуту перед ними стояло существо с пустым яйцом вместо лица — в точности то, что вылезло из холста шесть месяцев назад.

— Выбор, — произнесло оно ртом, которого не было. — Остался ли у вас выбор, мама?

Лика посмотрела на Марка. Тот сжал её ладонь. Пальцев не хватало у обоих — культи к культе, шрам к шраму.

— У нас никогда не было выбора, — сказала Лика. — Только иллюзия. Иди с нами, доченька. Но если ты причинишь вред Наде — я вырежу тебя из себя, как аппендицит.

Девочка засмеялась. Из пустого лица потекла не кровь — слёзы. Чёрные. Те самые.

— Договорились, мама. А теперь везите меня домой. Я хочу спать в кровати. И смотреть, как вы целуетесь.

Она взяла их за руки. Руки были ледяные, но живые.

На выходе из подвала Марк обернулся. Директор Софья Львовна стояла в коридоре, улыбаясь синими дёснами.

— Удачи, — сказала она. — Вы понадобится мне ещё. Когда она убьёт вас обоих, приходите. Я выдам тела родственникам. Со скидкой.

Дверь за ними захлопнулась. Старый «Фольксваген» завёлся с третьего раза. Девочка села на заднее сиденье, пристегнулась и закрыла глаза. На её лице снова проступили черты — другие, не те, что вначале. Теперь она была похожа на маленькую Лику. Ту, с фотографии в дневнике Старого Дока — шестилетнюю, с косичками и испуганным взглядом.

Марк взглянул в зеркало заднего вида.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— У меня много имён, — ответила девочка, не открывая глаз. — Но вы будете звать меня Верой. Потому что я заставлю вас поверить в чудо. Чудо того, что монстры тоже заслуживают счастья.

Лика молчала. Её живот снова шевельнулся — сильнее, чем раньше. И внутри, среди биения двух сердец (её и Нади), она почувствовала третье. Холодное. Ритмичное, как тиканье часов, которые когда-то остановились, но их завели заново.

Город встретил их рассветом. Розовым, липким, как сырое мясо.

Ворон без крыла сидел на крыше машины, когда они выезжали со двора детского дома, и смотрел вслед женскими глазами.

— Играем дальше, — сказал ворон. — Ставка — ваши души.

И захлопал единственным крылом, взлететь не пытаясь. Просто чтобы похлопать. Как аплодисменты.

Книга вторая. Глава 2. Вера против надежды

Первый день втроём. Квартира Марка на набережной стала меньше — будто стены сжались, почував чужую. Вера сидела на диване, поджав ноги, и смотрела телевизор. По экрану шла реклама подгузников. Девочка смеялась каждый раз, когда появлялся младенец.

— Смешные, — сказала она. — Думают, что выживут.

— Прекрати, — Лика стояла у окна, поглаживая живот. — Ты обещала не запугивать.

— Я не запугиваю, — Вера повернула голову. Её лицо снова изменилось — теперь она стала похожа на уменьшенную копию Марка. Те же скулы, тот же разрез глаз. — Я констатирую. Большинство детей не выживает. Не потому что мир жесток. А потому что родители — бездарности.

Марк вышел из кухни с чашкой ромашкового чая. Поставил перед Верой.

— Пей. Ты должна питаться нормально, а не страхами.

— Я питаюсь не страхами, — девочка взяла чашку, отхлебнула, поморщилась. — Я питаюсь тайнами. Вашими. Вы думаете, я не слышу, о чём вы шепчетесь ночью? О том, чтобы сдать меня обратно. О том, чтобы сделать аборт. О том, чтобы убить.

Лика вздрогнула. Это была правда. Прошлой ночью они с Марком говорили именно об этом. Шёпотом. В ванной, под шум воды.

— Как ты — начала она.

— У меня нет ушей, мама, — Вера показала на свои, вполне человеческие уши. — Но я слышу мысли. Все. Особенно те, что вы прячете глубже всего.

Она поставила чашку, подошла к Лике, положила ладонь на живот. Холодная рука прошла сквозь ткань платья, и Лика почувствовала, как внутри что-то дёрнулось — не Надя, а другое, старое, забытое.

— Твоя мать, — сказала Вера, глядя в пупок, — кричит каждую ночь. Ты её слышишь? Нет, потому что ты спишь. А я не сплю. Она кричит: «За что, доченька? Я же тебя любила».

— Моя мать умерла, — Лика отшатнулась. — Я сама её убила.

— Убила тело, — девочка не отставала. — Душа осталась. Она теперь живёт во мне. И в твоей Наде тоже. Три бабушки в одном котле. Хорошее варево.

Марк вмешался

:— Хватит. Ты здесь не для того, чтобы мучить. Ты здесь, потому что мы пожалели тебя.

— Пожалели? — Вера рассмеялась — тем самым треском старой пластинки. — Ты, Марк, не умеешь жалеть. Ты умеешь только использовать. И Лиду ты пожалел? Нет. Ты взял её, потому что она единственная, кто не боится твоих снов. А тебе снятся девочки. Те, которых убил в двенадцать лет.

Марк побелел, как стенка холодильника. Схватил Веру за плечо, но рука прошла сквозь неё, как сквозь дым.

— Я не материальна, — прошептала девочка. — Я — память. Вы не можете выкинуть меня на улицу. Я — это вы.

Она отошла к окну, встала на подоконник, открыла створку. Ветер ворвался в комнату, холодный, пахнувший рекой.

— Вторая глава нашего контракта, — сказала Вера, не оборачиваясь. — Я научу вас жить с правдой. Но за это вы дадите мне то, чего я хочу больше всего.

— Чего? — спросила Лика.

— Имя. Настоящее. Не Вера. То, которое вы дали бы своей дочери, если бы не боялись.

Лика и Марк переглянулись. У них было имя для Нади — Надежда. Но для этой — пустолицей, древней, говорящей голосами мёртвых — имени не придумали.

— София, — сказал Марк неожиданно. — София. В честь моей матери. Она умерла, когда родила меня. Я никогда не произносил это имя вслух.

Вера медленно повернулась. Её лицо вновь изменилось — теперь на него вернулись черты женщины лет тридцати: мягкие, уставшие, с морщинами возле глаз.

— Здравствуй, сынок, — сказала она голосом, которого Марк не слышал двадцать лет. — Я так гордилась тобой. Даже когда ты убивал.

Марк рухнул на колени. Его трясло.

— Это не ты, — прохрипел он. — Это она. Она крадёт голоса.

— Я не краду, — ответила Вера (София?) голосом его матери. — Я возвращаю. Все ваши мёртвые хотят говорить. Я им позволяю. А вы — вы слушаете. Впервые в жизни.

Лица подошла к Марку, обняла его за плечи. Посмотрела на девочку-женщину-призрака.

— Если ты София, — сказала Лица, — то скажи, что Марк подарил тебе на восьмое марта, когда ему было семь лет?

Тишина. Вера замерла, её лицо подёрнулось рябью, как экран старого телевизора.

— Рисунок, — наконец произнесла она. — Нарисовал дом и солнце. И подписал «Маме».

— Неправильно, — Лица покачала головой. — Он подарил цветы. Одуванчики, которые сорвал в канализации. И мать выбросила их, потому что они были грязные. Он никогда не рисовал ей дом. Он рисовал только тюрьмы.

Лицо Веры треснуло. По нему пошли тонкие линии, как по старой штукатурке.

— Ты сильная, мама, — прошептало существо. — Сильнее меня. Но ненадолго.

Она спрыгнула с подоконника, прошла сквозь Марка и Лику, как сквозь воздух, и скрылась в спальне.

Дверь за ней закрылась сама.

Марк поднялся с колен, вытер лицо. Оно было мокрым — от пота, слёз или того, что Вера оставила на нём свой след.

— Мы впустили её, — сказал он. — Как выкинуть обратно?

— Никак, — ответила Лица. — Остаётся только договориться. Она сказала — контракт. Значит, будут пункты. Будем торговаться.

В животе Лики шевельнулась Надя — резко, будто услышала разговор и решила напомнить: «Я тоже здесь. И я тоже буду голосовать».

Спальня приоткрылась. В щель просунулась голова Веры, но теперь она была не девочкой — старухой с белыми волосами и глазами, затянутыми бельмом.

— Первый пункт, — сказала старуха голосом Слепого Льва. — Каждую ночь вы будете рассказывать мне по одной правде. Самой страшной. Которую не рассказывали никому. За это я не трону вашу дочь. Второй пункт — вы полюбите меня. Не фальшиво. Иначе я заставлю вас любить так, что вы забудете, что такое боль.

— А третий? — спросил Марк.

— Третий вы узнаете, когда Надя родится, — дверь закрылась. Из-за неё донеслось: — Спокойной ночи, родители. Я буду смотреть ваши сны. По очереди.

Они остались в гостиной вдвоём. За окном занимался новый день, но солнце не пробивало тучи. Город лежал в серой пелене, как труп, накрытый простыней.

— Мы могли просто застрелиться, — сказала Лица.

— Могли, — согласился Марк. — Но это было бы слишком просто. А мы, кажется, не умеем просто.

Они легли на пол, прямо на ковёр, обнялись. Не для секса — для тепла. Потому что в квартире вдруг стало холодно, как в склепе.

В спальне Вера сидела на кровати и смотрела в стену. Сквозь стену. На соседей, которые спали, видели сладкие сны и не знали, что в квартиру напротив вселилась та, кто умеет делать из снов кошмары.

— Я подожду, — прошептала она. — У меня вечность. А у вас — только жизнь.

И улыбнулась. В темноте её улыбку никто не видел. Но если бы кто-то увидел — он бы умер на месте. От красоты. Или от ужаса.

Книга вторая. Глава 3. Колыбельная для монстра

Ночь пришла неожиданно — серой, липкой, без единой звезды. Марк и Лика не спали. Лежали на ковре в гостиной, слушая, как в спальне Вера перебирает невидимые чётки. Звук был похож на падение капель в пустое ведро.

— Она не спит, — прошептала Лика.

— Она никогда не спит, — ответил Марк.

В три часа ночи дверь спальни открылась. В проёме стояла не старуха, не девочка, не женщина — а нечто среднее. Ростом с подростка, с лицом, составленным из лоскутков: левая половина — Лика, правая — Марк, подбородок — Старый Док, лоб — Слепой Лев. Глаза горели синим, как кварцевая лампа в подвале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.